

Жанна Эберт

МОИ ЛЮБИМЫЕ ОШИБКИ

Глава 1

Хороший

«О Боже, куда я вернулась», — думала про себя Марта, глядя на пьяных бомжей, которые дрались за пустые бутылки.

Она вышла из междугороднего автобуса и направилась к багажному отделению за своими чемоданами.

Херсон встречал ее дождливой погодой, безразличным видом спешащих людей и переполненными мусорными баками.

Желтые автобусы с потрескавшейся местами краской с ревом тормозили. Они были под завязку набитые людьми, словно килькой. Люди ругались между собой, пихали друг друга, и каждый мечтал, наконец, выйти из ада под названием «херсонская маршрутка».

Водители этих автобусов были несказанными умельцами, которым позавидовал бы сам Юлий Цезарь. Они умудрялись одновременно принимать деньги за проезд, рулить, курить и при этом разговаривать по телефону. Марта, глядя на это цирковое представление, была весьма довольна, что

она не испытает на себе этой всех прелестей общественного транспорта. По крайней мере, сегодня.

Она ждала такси. В мыслях проносились годы, прожитые в США. Штат Калифорния, добродушные странноватые американцы, на которых грех обижаться; свекровь-маразматичка, которая любила поговорить сама с собой; ненавистные рыжие коты, которых так любил ее муж.

Муж...именно по его милости она теперь здесь. Ее американский муж Майкл с упрямой проседью, с которой он тайком от Марты боролся и в дорогом салоне, и дома, размазывая по блестящей голове яичные белки. Но все было тщетным. Марта это замечала, но не подавала виду. С Майклом они прожили несколько лет. Все было в этом браке: и любовь, и дружба, и нежность, и участие. Майкл был прекрасным любовником, мужчина с красивым атлетическим телосложением, уверенный в себе, порой даже слишком. Он не отходил от Марты ни на шаг, ведь она была красавицей. По началу, не отходил. Она первые пару лет никак не могла свыкнуться с мыслью, что живет в другой стране. Ни мамы, ни папы, ни подруг. Одни бургеры. Майкл постоянно работал. У него была своя мастерская по сборке и обслуживанию гоночных автомобилей. Кроме вечной возни в мастерской, он

подрабатывал инструктором по вождению гоночных авто. И это было скорее хобби, за которое к тому же неплохо платили. Марта, имея такую возможность, перекаталась на всех известных марках суперкаров.

Майкл зарабатывал большие деньги, и Марте идти на работу не было никакой необходимости. К тому же сам Майкл просил ее не идти на работу. Он хотел, чтобы она всегда была красивой, ухоженной и не замученной. Он был из тех мужчин, для кого внешность и лоск были всегда на первом месте. И он не мог себе позволить, чтобы рядом с ним была второсортная женщина. Поэтому он не жалел денег на одежду, уход и спортзалы. Казалось бы, об этом можно только мечтать. Но всякая женщина, побывав в этой шкуре, поймет, что и это может надоест. Ведь если вы всю жизнь отдыхаете на лучших курортах мира с All Inclusive, вам все равно рано или поздно захочется сбежать дикарями в палатку на рыбалку куда-нибудь на Днепр и есть шпроты из банки.

Марта в первые годы их совместной жизни не была пайнкой. Она всегда знала, чего она хотела, всегда об этом говорила, и он всегда на это реагировал. Она ставила свои интересы наравне с его, никогда не считая себя при этом нахлебницей. Не стеснялась задавать вопросы, не стеснялась закатывать истерики, если он был неправ.

И это, как выяснилось позже, и сохраняло их семью. Ведь, оказывается, Майкл из тех мужчин, которые не могут жить без волшебного пенделя. Есть такой сорт мужчин. Им становится пресно в пресной семье. Им становится скучно, когда все хорошо. Скучно, когда жена с кокошником смиренно ждет его дома. Истерик не закатывает, всё ей всегда нравится. И в постели она тигрица, и кокошник у нее самый модный. Все равно скучно. Вот так и с Мартой. Все было бы хорошо, продолжай она в том же духе. Но людям свойственно, во-первых, меняться, а, во-вторых, момент притирки рано или поздно заканчивается. И вот когда заканчивается период притирки, начинается стадия тихой уютной гавани. Длится эта стадия обычно недолго. Затем гавань плавно и очень незаметно переходит в другой период. Вот тут-то и подстерегают семью обычно всякие катаклизмы. Самый эмоциональный этап — это момент притирки, когда ссорятся с надрывом и мирятся под звук собственной аритмии. И самый агоничный и разрушительный, когда обоим друг на друга наплевать. Именно к этому моменту Марта с Майклом и подошли. К тому же выяснилось, что они довольно разные люди. Поначалу тебе кажется, Боже, как мы похожи, между нами какая-то космическая связь, это что-то невероятное!!! А потом, когда розовые очки пылятся в футляре, ты

видишь насколько, оказывается, вы разные люди.

Вот и Майкл оказался скучным, самовлюбленным эгоистом, который только и делал, что ныл все время. Время шло, Марта понимала, что жизнь среди индейцев ее не устраивает, и не думая о том, что отец ей выскажет всё, что он думает по этому поводу, начала бракоразводный процесс. Длился он долго, и за это время, наблюдая за идиотскими поступками своего мужа, Марта поняла, что все делает правильно. Сын Захар тем временем рос, а его вечно страдающий папаша не стремился подавать своему ребенку положительный пример и прививать ему наилучшие качества. Ссоры родителей становились все более частыми, а слово «fuck» было незаменимым атрибутом их общения. Когда документы уже были в руках у Марты, ее счастьем не было границ. Она тут же забронировала место на ближайший рейс и стала спешно собирать вещи.

Сегодня ее мысли были грустными, а настроение паршивым, к тому же ее ожидал «приятный» во всех отношениях разговор с отцом. Марта еще раз поняла, что не оправдала надежд родителей. Наверно очень трудно быть единственным ребенком в семье. И тем не менее она не жалела о своем возвращении домой, и единственное, что ее сейчас беспокоило, так это то, что отныне ей придется самой в херсонских

условиях зарабатывать и содержать себя и сына.

От чертового гуляша, приготовленного ее мужем на дорожку, у Марты не на шутку разыгралась изжога. Хотя Майкл готовил отменный гуляш. Приготовление пищи для Марты было сокрушительным занятием. Она нехотя, но гордо размазывала по кастрюле нечто, напоминающее смесь горелого мяса и блевотины с непереваренными кусочками овощей и зелени. Вообще это блюдо называлось «рагу», хотя ни внешне, ни по вкусу, это месиво на него и близко не походило. Нудным приготовлениям пищи она предпочитала веселые походы за полуфабрикатами. «Омлет с беконом» (которому ее научила Лола) был пиком совершенства кулинарии Марты.

Лола. Ее лучшая подруга. Как же она соскучилась по ней. Интересно, какая она сейчас? Они не виделись уже несколько лет. С тех пор как Марта уехала в Америку, они ни разу не виделись. А Марты в родной стране не было добрых пять лет. Марта пыталась вспомнить детали лица, походки, мимику подруги. Конечно, они часто говорили по телефону. Но все же это было общение скудное. Другое дело их посиделки в кафе. Марта вспомнила, сколько пришлось пережить Лоле. Ей было жалко подругу. Зная, какие ей на долю выпали испытания, свои горести казались не такими уж и горькими. Сначала Лоле пришлось

пережить развод с мужем, потом смерть сестры. Да и сейчас, так и не получив высшее образование, проживая совместно с родителями и воспитывая одна ребенка, Лола не была особо счастлива. В душе Лола была перфекционистка и мечтала о бурлеске, а получилась классика жанра. Хотя единственное, что у нее было стопроцентно, так это сила воли. И именно это вселяло в Марту надежду, что у подруги все наладится. Марта улыбнулась от той мысли, что сегодня увидит Лолу, они сядут в старенький «москвич» Марты и поедут на трехчасовые посиделки в какое-то кафе. Раньше Марта всегда брала папин «москвич» и абсолютно не стеснялась ездить на этом раритетном монстре. Она уверенно подъезжала на нем к любому ресторану. Особи мужского пола рассматривали ее дефиле с открытым ртом и недоумевали, почему такая яркая мадам ездит на таком неярком автомобиле. Ведь город Херсон был особенным. Здесь все кого-то из себя изображали. Это был город качков и моделей. И даже если парень на последние деньги заправляет свой бак бензином, он все равно будет крут. И пусть автомобиль его будет в кредите, который с трудом погашается, он все равно будет крут. Хорошенькая девушка-пустышка — уже принцесса. Мода на Барби затмевала умы, а новые диеты делали свое дело. Херсон всегда был заложником каких-то странных стереотипов и

много пафоса. За границей все было гораздо проще.

Ее мысли прервал крик Захара, который решил измерить лужи: «Мамаська, таны мокие». «О, Господи!», — Марта почувствовала, как скрипят ее зубы от злости. Она оправдывала себя тем, что эта злость от усталости, от жизни, от перелета. Такси везло ее по микрорайону Шуменский, когда она начала понимать, что вот-вот попадет в свою родную квартиру. Водитель, время от времени, поглядывал в зеркало заднего вида, но Марте его поползновения были как раз сейчас «нужны». Когда машина свернула с улицы Рабочей на Димитрова, Марта ужаснулась, что дорога до сих пор так и не сделана, дыры на асфальте расползались, будто метастазы на последней стадии рака. У ее дома все так же работал киоск, в котором продавали всякую дребедень типа пива и сигарет. Она вспомнила, что он частенько ее спасал, когда курить было нечего. «Хорошо, что он до сих пор работает», — подумала она про себя. Она теперь здесь надолго, и курить она так и не бросила...

— Вот и приехали. Тридцать гривен, — обнажив свои желтые зубы, подвел итог поездке таксист, парень лет двадцати пяти в прокуренном спортивном костюме.

Марта, удивляясь этим смешным ценам,

неспешно рылась в сумочке, в которой, помимо кошелька, лежали десятки вещей, от которых лицо таксиста вытянулось бы бесповоротно.

— Можно телефончик дать, так и разойдемся, — сделал выводы таксист, подумав, что Марта специально тянет время.

Кинув ему на сиденье десять долларов, Марта сделала такое лицо, что он сразу же завел машину и уехал.

Закрытый подъезд... черт возьми как же он ей дорог. Вечно закрыт, когда не нужно. Ключей у нее не было, но она до последнего не хотела звонить маме и говорить о своем приезде. Марта очень любила делать сюрпризы. Выходили они, отнюдь, не всегда приятными, но это она понимала потом.

— Ну, что ж, Захар, посидим на лавочке, вспомним молодость! — промямлила устало Марта.

Захар начал что-то невнятное бормотать, и она дала ему свой драгоценный Irod на растерзание. От радости он начал беспорядочно нажимать на экран. Черт, и машины во дворе все те же. Она посмотрела вверх и произнесла с легкой грустью: «Мой родной девятый этаж». А на восьмом этаже красовался целый ряд мокрых юбок и блузок. Это были вещи ее несостоявшейся свекрови. Стас, сын той самой потенциальной свекрови, собственно, ее бывший парень, был ее первой и яркой любовью. Это было детство, такое беззаботное, светлое и легкое.

Первые поцелуи, дачные посиделки и все такое. Они жили в одном дворе, даже в одном подъезде, и их комнаты были друг над другом. Она вспомнила это с теплотой в сердце и с пониманием, что хорошо, что все было именно так. Марта улыбнулась, она просто вспомнила, как они перестукивались по батареям: если стучишь три раза — это «я тебя люблю», если два — «я за тобой скучаю». Марта поймала себя на мысли, что сидит и улыбается сама себе, как полоумная.

— Так, Захарчик, пойдем родной, дверь, наконец, открыли.

Из подъезда с криками вылетела орава детей, которые таскали дворовую кошку. Коты... как же она их ненавидела. Когда дергающийся лифт, наконец, поднял их на девятый этаж, Марта остановилась. Она сделала глубокий вдох-выдох и нажала на звонок.

— Боже мой, Мартусенька! Захарчик! Родные вы мои!

Антонина Ильинична не могла оторваться от них, и так, стоя на пороге, минут пять они обнимались и рыдали от радости. К грязи от лужи на штанах Захара присоединились слюни Линды, их собаки, почетного члена семьи. Это был грациозный боксер рыжего окраса.

— А где папа? — заинтересованно спросила Марта.

— Папа в гараже с машиной возится, снова масло течет. Сейчас буду звонить, вот он обрадуется!

Антонина Ильинична не знала, за что хвататься: за телефон, за чайник или за Захара. Марта пошла в душ.

* * *

В квартире пахло дезинфицирующими средствами. Мама Лолы, Светлана Евгеньевна, интересная женщина немногим за сорок лет, была параноидальной чистюлей. В далеком детстве (она была старшим ребенком в семье) за всех отвечала и за всех получала. Она с детства была приучена к порядку. А учитывая, что Светлана Евгеньевна воспитывалась в строгой немецкой семье, трудно было ее представить растяпой и грязнулей. Разумеется, и своих детей она воспитывала в привычных для нее условиях. В общем, когда в квартире была генеральная уборка, молчали все, даже попугаи. Все это действо сопровождалось исключительно комментариями Светланы Евгеньевны о том, почему детские трусы снимаются вместе с колготами, что обувь нужно чистить не через неделю после дождя, а посуду нужно мыть не только спереди, но и сзади. Мама Лолы была строгой мадам. Все друзья Лолы в

детские годы даже боялись зайти в дом в гости. Она была не то чтобы злой теткой. Она просто не была из тех мамочек, которые всегда сюсюкались с ребятами и угощали теплыми пирогами из совдеповской духовки. Ее молчание дети расценивали как что-то странное, так как мамы в основном много разговаривают. Но, несмотря на то, что она была строгой мамой, она безумно любила своих детей, хотя не проявляла открыто ни любви, ни тепла. Она сама воспитывала детей, работала за троих и поэтому ее мужской характер, можно было понять. В семье не было заведено никаких телячьих нежностей. Но зато все дети были чисты и ухожены. Лоле всегда хотелось, чтобы, думая о маме, она представляла теплые мягкие мамины руки, а не холодность и построение, как в армии. Но сейчас, повзрослев, Лола прекрасно понимала свою маму. Нельзя быть женственной и мужественной одновременно. Особенно когда растишь и содержишь троих детей одна. Лолу воспитывали в строгости. Чего не скажешь о Марте, которая была единственным ребенком в семье, и которую родители баловали, как могли. Пока Светлана Евгеньевна проводила стерилизацию комнат, будто подготавливаясь к операции, Лола жарила блины. Сковородка, именуемая известной маркой, не оправдала ожиданий Лолы. Блины приставали ко дну. Лола нервничала.

— Я пошел играть на улицу, закрой дверь, — крикнул ей из коридора брат Иван.

Ему было двенадцать. Лола никогда не была с братом особо близка, наверное, из-за большой разницы в возрасте. Но зато за него ей все время доставалось от матери. Он не то чтобы постоянно шкодничал и выделывал выкрутасы. Он просто делал это редко, но талантливо. А блины все еще получались как полурастекшаяся, полупригоревшая масса. Тесто было каким-то пенным. Лола вылила его, и начала делать новое.

«Интересно, Денис сегодня поздно придет?» — подумала про себя Лола. Дэн. Черт побери, она никогда бы не подумала, что будет с ним жить. Лола была его первой любовью, он полюбил ее еще в школе. Высокий, худой и прыщавый Денис. Ну, кого он мог возбуждать? В мыслях сразу всплыли издевательства над ним, и она вспомнила, как обещала ему: «Денис, я, как только разойдусь с Лешкой, буду с тобой встречаться, обязательно». И так было раза три. Просто, перерывов между кавалерами у Лолы не было. Еще не расставшись с одним, у нее появлялся другой. Эти отношения были короткими и, вряд ли вообще претендовали на название «отношения». В них не было ни любви, ни интимности, но Лола была уверена, что встретит своего принца. Бедный Дэн. Но ведь это было на первом курсе юридического колледжа. Лола была

симпатичным юным созданием, совершенно непостоянным, но романтическим. Она притягивала к себе молодых людей, даже не желая того. Ди-джей записывал ей музыку, повар, учившийся на втором курсе, таскал ей булочки из буфета и провожал на остановку. И вот, разведясь с мужем через год, как он уехал за границу и забыл вернуться, она поняла, что осталась одна с маленьким человечком. Ей не хотелось вновь обжечься, и поэтому она избегала новых отношений. Compliments и предложения сыпались, несмотря на то, что она — разведенка с ребенком на руках. А в нашей стране этим уже никого не удивишь, и таких, как она, было больше, чем комаров летом.

Денис нарисовался неожиданно. Восьмое марта, звонок на домашний телефон из таксофона. Несколько месяцев встреч. И ближе к лету они начали жить вместе. Он предложил жить у него в четырехкомнатной квартире, но так как ребенок был крохой, они решили пожить у ее мамы. К тому же ее мама на этом очень настаивала. Лола не любила его. Но он был хорошим. Когда тесто уже начало заканчиваться, сковорода, наконец, начала адекватно реагировать на происходящее. Ее мысли и воспоминания прервал телефонный звонок.

— Этого не может быть! — вопила Лола, — как же так? Снова ничего не сказала! Черт, Мартусь, я рада до поросычьего визга! Тем

временем блин, обидевшись на всех, превратился в негра.

— Мартусик, я вечером вся твоя! — Лола чуть было не начала заикаться от счастья, — увижу тебя, задущу в объятьях. Да, конечно, дорогая, в шесть вечера в кафе «Айсберг», до встречи!

И ей было все равно, что горели блины, и кричала мама.

* * *

Было около половины шестого, когда Марта выехала на папином желтоватом убийце из гаража. Она была в предвкушении радостной встречи, ведь ехала на встречу к лучшей подруге. В брендовом бумажном пакете она везла в качестве презента Лоле косметику от Шанель и диснеевские игрушки для ее сына. Давя на педаль газа, Марта улыбалась. После тех машин, что ей пришлось водить в Америке, старый «москвич» показался ей каким-то непонятным созданием.

— И как только до такого можно было додуматься, — продолжая улыбаться, подумала про себя Марта. «Москвич» послушно ехал, а Марта с жадностью вкушала все детали управления этой допотопной машиной. Доехав за пятнадцать минут из спального района до центра города, Марта про себя радовалась и одновременно удивлялась.

Пробок в этом городе нет. Подруги заняли удобный столик. Столики на улице утопали в зелени. Людей было не очень много. Ненавязчиво звучала музыка. Официант, молодой парень, ходил так ровно, мелко перебирая ногами, что это даже было смешно. Создавалось впечатление, будто у него между ног что-то зажато, и оно может выпасть. Подойдя к ним и предложив меню, он сделал такой важный вид, будто он служил во дворце английской королевы. Увидев одобряющий кивок Лолы, он тут же развернулся на широких каблуках и, чеканя шаг, вошел в кафе.

— Тоже мне, Робот Вертер, — ухмыляясь, произнесла Лола и начала изучать меню.

— Он постоянно тошнит, понимаешь, Лолик? Меня все раздражает в нем: как он ест, как он спит, как зубы чистит, в конце концов. Лол, бывало, что у нас секса не было по несколько месяцев, понимаешь? Он ко мне пристаёт, а я начинаю «болеть» одновременно всеми болезнями мира, или праздники выдумываю всякие святые, когда типа нельзя сексом заниматься, что это грех и все такое... Маразм, понимаешь...

— Ты его любишь? — на полном серьезе спросила Лола.

Брови Марты медленно полезли вверх. Она никогда не переставала удивляться «подходящим» вопросам Лолы.

— Лола, ты вообще в своем уме, детка?! Ты вообще слышишь, о чем я тебе говорю?! Я не могу смотреть на своего мужа. Я уехала от него, улетела, черт побери. А ты про любовь!

— Да ладно, не ори ты. Кто тебя знает, ты ж никогда не признаешься.

Марта всегда умело скрывала свои чувства и эмоции. Лола один-единственный раз в жизни видела, как плачет Марта, и то на похоронах младшей сестры Лолы. Тема ее скоропостижной смерти была закрытой для Лолы. Она до сих пор не могла смириться с тем, что такой светлый человек, как ее шестнадцатилетняя сестра, не сделав в этой жизни никому ничего плохого, умерла такой мучительной смертью. Не могла простить врачей, благодаря которым появился еще один памятник на кладбище. Не могла простить себя, за то, что ни разу в жизни не сказала сестре: «Я люблю тебя». Сестра была для нее чем-то незавершенным, близким и больным. И только с Мартой она могла себе позволить говорить об этом. Марта заметила на тоненьком жгутике Лолы маленький бирюзовый кулон из бисера, который ей подарила ее покойная сестра, и ее глаза сразу погрузнели. Лола заметила это.

— Завтра поедем к ней на могилу, — утвердительно сказала Марта, — я привезла свечки из церкви Св. Марии-Магдалены. Посидим у нее

подольше.

— Да, давай после обеда, — Лола посмотрела на Марту потухшим взглядом, но при этом улыбнулась.

Чтобы как-то отвлечь подругу от серых мыслей, Марта сменила тему.

— Как там наша рыжая бестия?

— А ты не звонила Кире? — Лола удивилась.

— Да в том-то и дело, что звонила. Абонент недоступен, — Марта достала свой мобильный.

— А, все ясно, — Лола ухмыльнулась, — она в очередной раз поменяла номер телефона.

— Почему? — Марта недоуменно взглянула на Лолу.

— Потому, что у тебя нет столько женихов, сколько у нее! — Лола так мечтательно закатила глаза, будто говорила о себе, — я дам тебе ее номер, она будет визжать от радости, когда узнает о твоём дезертирстве. И мы, наконец, встретимся втроем.

Марта убрала телефон и подкурила свеженький ментоловый Vogue. Официант не успевал менять пепельницу. Они так увлеченно разговаривали, что не замечали времени.

— И что ты намерена делать, дорогая моя? — вопросительно посмотрела Лола на Марту.

— Пока не знаю, отойду от поездки для начала. Потом начну поиски работы. А что сразу

надо что-то делать? Я приехала сюда навсегда. Так что я никуда не опаздываю.

— Правильно. Соберись с мыслями. Время покажет.

* * *

Солнечные лучи светили Кире прямо в лицо. Она вспомнила, что сегодня среда, и ей пора вставать на работу. В такие моменты труднее всего найти тапки. Кира решила ходить босиком. В конце концов, быстрее проснется. Сварив ароматный кофе, Кира отправилась на балкон. Она закурила. «Не забыть позвонить Лоле», — подумала она про себя. Рыжее чудо, самое дорогое существо в этой квартире, лениво мурлыкало на подоконнике.

«Я буду очень скучать по тебе, мой ненаглядный Кексик», — сказала ему хозяйка и поцеловала его в мокрый нос. Кот недовольно сморщился. Кира смотрела вниз на людей, которые толпой запихивались в утреннюю маршрутку. Она подумала о том, что ее буквально через час ожидает то же самое, хотя, возможно, людей уже будет меньше.

Однокомнатная квартира, которую снимала Кира, была обычной планировки на десятом этаже в подъезде с неработающим лифтом, поэтому Кира не выходила лишней раз из дому. И когда ей

приспичивало купить что-нибудь вкусненькое в магазинчике рядом с домом, ей приходилось просто подтирать слюни и пытаться переключиться на что-то другое. Все стены были украшены черно-белыми распечатками фотографий ее парней и голливудских актеров.

В холодильнике лежало несколько картофелин и увядающий цукини, стояла банка с тушенкой. Сделав вывод, что позавтракать, как в принципе и вчера, особо нечем, Кира начала наводить марафет. Она не слушала советы подруг о том, что не стоит красить глаза перламутровыми голубыми тенями, а губы красной помадой, и с большой любовью снова и снова доставала содержимое своей косметички, слюнула черный карандаш и наводила четкие стрелки поверх голубых теней. Доведя до совершенства макияж, цветовая палитра которого не менялась уже лет пять, Кира летела на остановку. Она всегда опаздывала. Такова уж она была.

Был один из очередных суетных дней, когда позвонила ее мама.

Кира долго смотрела на входящий звонок и все думала, поднять ли трубку. Она знала, что мама снова начнет ей читать морали и журить, что та уже которую неделю не является к родителям. Звонок был долгим и настойчивым, и Кира все же решила уделить полчаса словесному расстрелу. Мама для

начала поинтересовалась успехами дочери в покорении супергорода, так как Херсон по сравнению с тем местом, откуда Кира была родом, был просто мегаполисом, а затем все же начала свою долгую тираду.

— Я не собираюсь за несчастную тысячу гривен каждый день терпеть балаган этих сопливых недоумков, — верещала Кира по телефону своей маме.

— Доченька, ну куда ты пойдешь? Ведь это твоя профессия, твое призвание!

— Призвание одеваться у вьетнамцев на рынке? Ну, уж нет!

Кира нервно бросила трубку, и вышла из кабинета. Она спустилась во двор школы. Ей было все равно, что на территории школы курить было запрещено, тем более учителю.

«Да пошла она, эта работа, со всем этим государством, с зарплатами, с мужиками и с квартирными хозяйками», — она затянулась. Сколько раз она пыталась начать жить заново, так сказать «с нуля». Весь круговорот событий сводился к одному и тому же: мужики оказывались обычными кобелями, коллеги самовлюбленными эгоистами, а риелторы мудаками, не делающими свое дело.

«Куда бы выкинуть окурочек? Так лень идти к мусорному баку», — мыслила Кира. Найдя щель в

бетонных ступеньках, она бросила окурок туда. Кира была самостоятельным человеком, начиная с первого курса педучилища. Она снимала однокомнатную квартиру, и второй год работала учителем младших классов в средней школе. Она была глубоко убеждена, что будет материально обеспеченной, и ей не придется каждый раз в конце месяца думать, чем ей заплатить за квартиру и у кого бы еще взять денег взаймы.

Кира, Марта и Лола всегда были лучшими подругами.

Надевая вещи друг друга и пользуясь одним парфюмом на троих, они считали себя звездами, только что сошедшими с небес на танцпол какой-то середнячковой дискотеки. Им было лет по двадцать, когда их дружба начала проверяться на прочность. Появились женихи, которые нравились сразу, например, двоим. Внимание и ухаживания мужчин никогда не распределялись между ними поровну. Кире все время казалось, что Лола нарочно выпячивает свой интеллект, чтобы заманить очередного потенциального ухажера Кире, а Марта предательски в этом поддерживает заучку Лолу. У Марты всегда была лучшая одежда и возможность поехать на Новый год в Карпаты.

Кира же не была там никогда. И неважно, что Лола там тоже не была, и что носила Лола вещи из секунд-хенда, Кира всегда была занята лишь

сожалением к своей персоне. Отношения между девушками сменялись то душевными воспоминаниями о бурной молодости и крепкой привязанностью друг к другу, то легкими нотками зависти, первенства и конкуренции.

Позже они стали общаться реже. Лола была занята учебой. У Марты появились новые подруги, и когда одна из ее подруг уехала жить в Нью-Йорк, Марта начала усиленно учить английский, а потом, благодаря своей американской подруге, познакомилась со своим будущим мужем и укатила жить в Америку. И вот теперь вместо русской фамилии Марта носила нерусскую фамилию Климбел.

Каждая из них была занята своей жизнью. Исключительно своей. Теперь по приезду Марты из штатов они решили видеться чаще и бывать друг у друга, как раньше.

* * *

Шли месяцы, приличной работы не было, поэтому занятиям ерундой и безделью, Марта предпочла поиски хоть какой-нибудь работы. Образование, полученное на факультете иностранных языков в старом добром херсонском пединституте, в сложившейся ситуации она могла применить разве что в каком-нибудь брачном

агентстве, устроившись туда переводчиком. Тем более что опыт общения с иностранцами, с американцами, в частности, у нее был велик. Марта сто раз повторяла, что американская нация, мягко говоря, далеко не самая сообразительная в мире, но достаточно привередливая и требовательная к окружающим. В общем, тому, как угодить американскому мужику и как вытянуть из него побольше денег, Марту не надо было учить.

Прошла пара-тройка дней, и вот Марта уже на приеме у работодателя. Собеседование прошло на ура! График работы очень даже устраивал. Офис брачного агентства находился в самом центре города, так что с транспортом и удобством добраться до места работы тоже не было проблем. На собеседовании ее сразу же оценил директор агентства, мужчина средних лет. Он был совсем не в ее вкусе. Делая Марте всяческие комплименты, он рассказывал о ее перспективах в работе. Всю эту болтовню она пропускала мимо ушей, впрочем, так она поступала всегда в подобных случаях.

Буквально через пару дней после собеседования начались трудовые будни. В основном, ее рабочий день начинался часов в шесть вечера из-за разницы во времени и продолжался до тех пор, пока хотела и могла переводить Марта. Ведь смысл работы заключался в переводе переписки онлайн между херсонской девушкой,

жаждущей заграничного мужа, и иностранца (в основном это были американцы), жаждущего украинской хозяйки. Больше всего денег можно было заработать переводом на встречах где-нибудь в ресторане, когда иностранцы партиями посещали Херсон в реальном отборе кандидаток. Поэтому организацией таких мероприятий Марта Климбел занялась вплотную.

Времени на сборы перед работой было достаточно, чтобы сделать из себя куколку. Принимая во внимание советы Лолы по поводу того, что надо послать ко всем чертям рекомендацию администратора: «Ты не должна выглядеть лучше девочки, для которой переводишь», Марта со спокойной душой нарядила себя в обтягивающие черные брюки со стрелками, стильную кофточку с глубоким декольте, обула босоножки на шпильке, и, конечно, выпрямила свои кучерявые волосы.

В этот вечер Марта выглядела как сексапильная бизнес-леди. Ей, конечно, было не в кайф ехать на общественном транспорте, там как «москвич» снова взял выходной, там вечно что-то ломалось в самый неподходящий момент. Но она решила не расстраиваться из-за этой мелочи, к тому же уверенности в своей неотразимости ей придал тот факт, что по пути на остановку она несколько раз останавливалась, поскольку проезжающие мимо

водители настойчиво предлагали ей прокатиться с ними. Марта впервые нарушила золотое правило не садиться в чужие машины, когда рядом с ней остановился новенький серебристый мерседес.

«Неужели такая красота поедет в общественном транспорте», — думала Марта, погружаясь в эту просторную и комфортную машину.

Владельцем автомобиля был молодой парень. Марте даже показалось, что она старше его. В приятном, ненавязчивом разговоре, она не заметила никакой грубости и тем более намека на более близкое знакомство. Можно считать, что Витя, так звали водителя, оказался настоящим джентльменом. Марта продефилировала из авто в офис, поблагодарив его за доставку.

На работе было скучно, как будто Америка ушла под воду. Изредка какой-нибудь поклонник выходил на связь, но девчонки в офисе справлялись без помощи переводчика. Марта страдала от безделья и, чтобы не уснуть, решила выйти на улицу на перекур. Затягиваясь сигаретой, она про себя отметила, что, несмотря на все неурядицы, она счастлива. Ведь она была дома.

* * *

В древней городской библиотеке был затхлый

воздух.

Лола Вебер читала толстенную книгу по праву, бесконечно ерзая на неудобном деревянном стуле. Представить только, она на целых два года выпала из жизни, и теперь ей во что бы то ни стало надо догнать упущенное. Рождение и воспитание ребенка никак не соотносились со сферой прав человека, кроме момента одностороннего развода с мужем. Просто подала иск, просто пришла на заседание, на котором развели тоже просто. Разумеется, муж не пришел, поскольку теперь жил в другой стране, ежедневно купался в Средиземном море, и в обед пил портвейн вместо чая.

Лола понятия не имела, где будет искать работу, а уж тем более будет ли она соответствовать должностным обязанностям, ведь на рынке труда было огромное количество конкурирующих субъектов, да еще и с высшим образованием, наличием которого Лола похвастаться пока не могла. Да что вообще могла разведенная двадцатитрехлетняя девушка с ребенком на руках, живя на попечении родителей? Так думал кто угодно. Но только не Лола. Она знала, что рано или поздно она сядет в свой автомобиль, зайдет в свой кабинет, и поставит свою подпись и печать в трудовой книжке своего подчиненного. Лола начала понимать, что строки и статьи уже не имеют значения, что она в пятый раз

читает один и тот же абзац. Она поняла, что мечтает.

А дома ее ждала стирка детских вещей, гора грязной посуды и парень, чувства к которому она не могла назвать любовью. Но в первую очередь до дома ее ждала прекрасная поездка в час пик в маршрутке под номером «3». Недавние мечты показались ей глупостью. В тот вечер Лола вернулась домой с нехорошим осадком на душе. Она уединилась в комнате и долго читала книгу. Лола не хотела очередного вечера под телевизор с Денисом. И хоть ее уже тошнило от чтения книги, она решила сегодня побыть наедине с собой.

Было около половины первого ночи, когда Лола вышла на балкон покурить. Пахло летним дождем. Было темно и прохладно. Неспешно пуская дым в густую ночь, Лола почувствовала усталость и поняла, что на сегодня пора закругляться со своим отшельничеством.

Лола тихо зашла в комнату. Денис спал. Она подошла к книжной полке и достала оттуда фотографию сестры.

— Лола, что ты там делаешь? — сонным осиплым голосом спросил Денис, пытаясь навести фокус.

Он любил ее. Ее зеленые глаза, длинные смоляные волосы.

— Иди ко мне, — прошептал Денис. Его

спросонья захлестнул порыв нежности, он обнял ее крепко, и начал целовать ее то в лоб, то в щеки, все время повторяя, что любит ее.

— Почему, Денис? Почему именно она? — шептала Лола, изворачиваясь от его поцелуев.

Ее душили слезы. Но она не плакала. Слезы горькой струей блуждали где-то в горле, так и не находя выхода наружу.

Она еще не успела отойти от этого ужасного происшествия, ведь не прошло и пары месяцев со дня ее смерти. Тягостные мысли изводили ее сердце.

— Не расстраивайся, милая, она бы не хотела это видеть, успокойся, я всегда буду рядом. Всегда.

Она его обняла.

— Я знаю, Денис, знаю...

* * *

Денис и Лола бежали уже второй круг. Они бегали каждый день по несколько километров.

Денег на тренажерные залы не было, поэтому надо было выкручиваться.

Лола спорт всегда любила и хорошо себя чувствовала, когда им занималась. Денис был заядлым спортсменом, он принимал участие во всех спортивных олимпиадах школы, никогда не курил. У него был разряд по пулевой стрельбе, и он

подрабатывал инструктором по стрельбе для начинающих.

С каждым разом Лоле было все легче бежать. Она мечтала о новых кроссовках, но пока что любовалась старыми серыми кедами.

Солнце начало медленно катиться горящим шаром за далекий багровый горизонт, когда Денис подошел к запыхавшейся Лоле.

— Дай мне свою руку, милая, — с этими словами он положил ее руку себе на грудь и продолжил, — все, что было до тебя — это ничто. Все люди, которых я встречал до тебя, не имеют и грамма всего того, что есть у тебя... Он тяжело и прерывисто дышал. — Впервые за все эти годы я по-настоящему счастлив. Ты меня сделала таким.

В его глазах было столько искренности, что ему, наверное, хотелось бросить широким жестом всю свою двадцатидвухлетнюю жизнь к серым кедам Лолы.

— Я хочу всегда быть с тобой рядом... Я хочу быть с тобой рядом весной, когда на твоих щечках появляется пара-тройка веснушек. Я хочу быть с тобой рядом вечером, когда тебе холодно, чтобы укрыть тебя нашим двухметровым бордовым пледом. Я хочу быть с тобой рядом даже тогда, когда ты расстроена и орешь, я все равно хочу быть рядом. У меня, к сожалению, нет денег на золото и бриллианты, но я хочу, чтобы вот это украшало

твой пальчик, и ты знала, что это начало пути. Начало нашего с тобой пути.

С этими словами он достал из кармана спортивных штанов кольцо. Это было серебряное кольцо с вставкой золота по центру в виде квадратика, в середине которого находился квадратный камень изумрудного цвета.

— Под цвет твоих глаз, любимая, — смущенно улыбаясь и немного нервничая, сказал Денис и надел кольцо на палец Лоле.

Лола была страшно взволнована, ведь это было совершенно неожиданным для нее. Она не знала, хочет ли она того же. Согласна ли она быть рядом с ним весной, когда хочется защитить свое лицо от пигментных пятен (которые он так смело называет веснушками), но на это нет денег, согласна ли она быть рядом вечером, когда она устала и просто хочется лечь и спать, не просыпаясь, и уж тем более она не была уверена, хочет ли она его видеть в момент, когда она завелась и остановить ее, кроме как заклеить рот скотчем, попросту невозможно.

Она знала, что не может изобразить сейчас на лице счастье, и знала, что он это видит.

Лола смотрела на него и чувствовала, как дергается ее глаз.

— Денииис, хороший мой, — она крепко его обняла и уткнулась лицом ему в плечо, чтобы он не

видел ее растерянного взгляда, — ну зачем ты тратил деньги на кольцо, — сказала она, ненавидя себя за то, что вновь спорола чушь, ведь это так мило заявлять ему в такой момент о целесообразности экономии, — ты чудо, хороший мой, я польщена.

Уже дома, лежа в пенной ванной, Лола размышляла о случившемся, она никак не могла понять себя и понять еще миллионы сотен таких же дур, как она, которым спокойно не живется.

Почему нельзя любить хороших парней? Почему женщин тянет к моральным уродам? Женщины — мазохистки? Почему нельзя жить спокойно?

Наверно потому, что это же так интересно, когда тебе выносят мозг, не приходят спать домой ночами, а потом с квадратными глазами изображают на лице недоумие.

Ведь это же так неинтересно, когда на тебя смотрят преданными щенячьими глазами, с полуслова летят за твоими любимыми кроватками, сочиняют стихи, вызванивают каждый час, чтобы узнать, как ты себя чувствуешь, и каждый свой шаг согласовывают с тобой, чтобы ты была довольной девочкой.

Это же так неинтересно. Она решила, что покончит с этой идиотской закономерностью. Лола, как представительница женского пола, пообещала

себе, что перевернет устоявшуюся практику издевательств над хорошими парнями, она дала клятву, что отныне станет умнее и свяжет свою жизнь именно с пай-мальчиком, а дон-жуаны с серыми глазами и красивой трапецией покатаются ко всем чертям, если это только не Джуд Лоу.

В тот вечер Лола приготовила шикарный ужин. Она знала, что ей еще придется долго менять свое отношение к Денису, но ведь главное было хотя бы начать.

Она с прилежной, почти английской вычурностью, раскладывала кремовые с выбитыми кружевами салфетки, которые она когда-то купила в дорогом магазине и припасла на подобные случаи, налила в бокалы вино и села ждать Дениса.

Нужно ли говорить о том, что у него в тот вечер случился пороссячий восторг, а Лола опробовала на себе элементы дрессировки немецких овчарок, все время останавливая себя, чтобы не закрыть ему рот, когда он нес явную чушь.

Лола решила стать примерной женой. Хотя от одного этого слова ее частенько бросало в дрожь. Ну, уж такая бракофобка она была. Что поделаешь. У каждого свои фобии.

После предложения Дениса проживать совместно на правах почти супружеской пары изменилось не многое. Лола, разумеется, готовила

себя морально быть прилежной и благодарной. Денис же, напротив, стал более развязным и уверенным в себе. Она где-то в глубине души понимала, что когда-то их лавстори будет лишь одним из жизненных воспоминаний. Но Денис даже не догадывался о ее мыслях. Для себя он решил, что Лола — тот человек, что ему нужен. Она знала, что на него всегда можно было положиться. Ну и что, что она его не любит? Любовь вещь относительная, а стабильность сейчас днем с огнем не сыщешь.

* * *

Лола набрала полную ванну воды. Эфирное масло лаванды и мандарина, морская соль — обычная процедура Лолы. Она окунулась. Как она любила этот аромат. Вода сегодня была горячей, чем обычно, поэтому ее клонило в сон.

«Еще не хватало утопиться в собственной ванне», — подумала про себя Лола и привстала. Набрав в руки гель для душа, она начала мыться.

По воде плавали волосы, она отметила, что у нее выпадает их очень много, а ведь была далеко не осень. Она подумала о том, что необходимо пить витамины и регулярно делать укрепляющую маску. Ее мысли прервались, когда она рукой провела по левой груди. Она почувствовала в ней какое-то уплотнение. Оно было болезненным. Она провела

рукой по груди снова и снова. Но уплотнение все-таки было, ей не показалось.

В ту ночь Лола не могла уснуть. Мысли беспорядочно лезли ей в голову, причем не самые утешительные. Она все думала: «Откуда? За что? И что теперь с этим делать?».

Она встала с постели. Было около двенадцати часов ночи. У соседей как всегда звучала громкая музыка, и кто-то оживленно что-то обсуждал. Она взяла в руки мобильный телефон и набрала номер Дениса.

— Денис, ты случаем не забыл дорогу домой?

Судя по ее выражению лица, на том конце провода ее не обрадовали.

Денис теперь все свое время уделял своей маме, которая только недавно приехала из Испании. Его мать нормально относилась к Лоле, и к их отношениям. По крайней мере, так казалось со стороны. Но Лоле от этого было не легче. Она не видела Дениса ни днем, ни ночью. Лола не молчала и естественно пилила его за это. Он молча все слушал, со всем ею сказанным соглашался и делал по-своему.

Она же продолжала себя успокаивать тем, что пройдет эта черная полоса, и все наладится, что он обязан помочь матери сделать этот чертов ремонт, помочь продать квартиру, с сестрой съездить купить вещи, помочь выбрать мясо на рынке, в

общем, доходило до элементарных мелочей, в которых он должен был быть задействован. Но иногда это доходило до маразма. Несмотря на все недовольство, Лола уважала Дениса и ни в коем случае не собиралась его терять.

«Это временно, все наладится», — успокаивала сама себя Лола.

* * *

Был восхитительный солнечный майский день.

Вокруг пахло весенними цветами, новой жизнью. Птицы захлебывались в своей прелестной трели. Лола шла на автобусную остановку. В руках она несла небольшую сумку с вещами и презентами для своих бывших одноклассников. Сегодня была встреча выпускников. Эта встреча намечалась давно. Многие то отказывались от нее, то вновь инициировали. Но, наконец, все отбросили свои дела, оставили свои семьи и работу и съехались для того, чтобы понять, кто есть кто.

Кто успешен, кто лузер, кто женился, кто развелся. Лола не любила такие сходки, но очень за всеми соскучилась, за школой, за преподавателями.

Тем временем Денис остался дома на хозяйстве, так сказать. Лола была абсолютно спокойна.

Денис был пай-мальчиком. Не гулял, не пил, не был ни разу замечен в каких-либо сомнительных мероприятиях. Она даже не смотрела на свой мобильный телефон. Так как звонить ему особой необходимости не было. Да и не до этого было.

И она подумала: «Слава тебе Господи, вырвалась я из этой семьи, наконец. Сегодня я побуду просто Лолой». Ей почему-то захотелось напиться и повеселиться вдоволь. Танцевать до утра, смеяться и ни о чем не думать. И ей было так хорошо, что она далеко от дома!

Денис знал, что Лола примерная девочка. Да, порой капризная и требовательная, но она у него порядочная. Он был абсолютно спокоен за нее, ведь она никогда не была замечена в сомнительных мероприятиях, а потому даже не смотрел в свой мобильный телефон.

Выпивая очередной бокал какой-то горючей смеси, Лола все больше улетаала. Ее окрыляла такая радость и легкость. Вокруг родные лица, с которыми она росла.

Классный руководитель вытащил откуда-то из кабинета старый-престарый журнал, припавший ни одним слоем пыли.

Уже никто и не помнил о том, что Сергей Николаевич в девятом классе попросил всех вписать туда свои желания.

И сейчас, по прошествии стольких лет, было

интересно и очень забавно вспомнить свои пятнадцатилетние мечты.

* * *

— Я вам кажу, я помічник депутата, що тут не зрозуміло вам?! — шатаюсь и тыча милиционеру в лицо удостоверение помощника депутата областного совета, промямлил Денис.

Мент, нахмутив брови, с умным выражением лица рассматривал корочку.

Убедившись в сходстве сказанного Денисом и написанного в документе, еще раз посмотрев на его лицо, он отдал документ назад, пожелал хорошего отдыха и пошел дальше.

— Отож йдіть до біса! — никак не мог угомониться Денис, едва стоя на ногах.

— Дэн, заткнись, а!! Пойдем лучше внутрь, — сказал Макс, лучший друг Дениса, и потащил его под руки в кафе.

— Нет, Макс, пойми же тебе говорю, она классная, она сильная, но она такая сууука, — уже почти лежа на столе промямлил Денис. Я люблю ее... черт..

Денис смотрел вдаль на людей и понимал, что у него уже троится в глазах.

Он снова начал было рассказывать о своей любви к Лоле, но Макс решил, что на сегодня

рассказов хватит.

— Дружище, давай домой, а то ты совсем уже печальный.

Никогда, как в тот вечер, Денис не шел домой так долго.

Лоле не стоило быть такой самоуверенной, ведь в каждом из нас есть своя чаша благодетели. Денис тоже был человеком, и ему, стало быть, тоже нужно было нажраться и выпустить пар.

А бедному Максиму выпала страшная миссия — довести друга домой и отдать теще. Он шел и мысленно материл его за то, что тот так накачался. Лола уехала, и тот рад стараться. Как говорится, кошка с дому, мыши в пляс. Макс неуверенно нажал звонок. Через полминуты вышла Светлана Евгеньевна. Денис стоял с полусогнутыми коленями и почти засыпал.

У нее на лице было минутное замешательство, ведь она впервые увидела Дениса в таком виде. Переважив мысль, что даже этот человек может нарезать, она улыбнулась и под руки затащила его в квартиру.

— А где Мишанька? — Денис в темноте пытался отыскать ребенка.

— Денис, ложись спать, ребенок сегодня будет спать с нами, не то, он тоже будет пьян от твоих испарений.

— Нееет, пусть он спит со мной, ну

пожаалуиста... — он был в другом измерении, но все же помнил о родительском долге.

— Давай, давай, ложись уже, — сказала мама Лола и закрыла в комнату дверь.

Но так как Денис был очень чистоплотным мальчиком, и в его мозгу была засечка, что Лола убила бы его, если бы он завалился на ее белоснежную постель в таком виде, он встал и поплелся в ванную комнату.

— Лола! Мы едем на дискотеку! Ты с нами? — выкрикивали девчонки с другого края огромного стола, заставленного разнообразными яствами.

— Что за дурацкие вопросы! Конечно! Это не я с вами! Это вы со мной! — Лола вытанцовывала, еще сидя на стуле.

Где-то вдалеке играла песня Мадонны «La isla bonita». Мадонна на Лолу действовала каким-то магическим образом.

Перед последним рывком, который бы закончился под утро, Лола все же решила набрать Дениса. Но он почему-то не ответил.

Тогда Лола решила поговорить хотя бы с ребенком и пожелать ему спокойной ночи.

Она набрала номер мамы.

— Лола, ребенок с Денисом уже давным-давно спят. Если ты гуляешь и потерялась во времени, это не значит, что все так сегодня

делают. Отдыхай, доча. До завтра.

Лола со спокойной душой положила трубку, и душа ее пустилась в рай.

Отключив телевизор и укутавшись в тонкое одеяло, Светлана Евгеньевна вдруг услышала какой-то странный звук. Она недовольно вздохнула и вылезла из уютного местечка. Подходя к ванной комнате, она наступила на что-то мокрое. Отыскав в темноте выключатель, она увидела, что из-под двери ванной комнаты течет вода.

Журчание воды и теплая ванна были усыпляющими, и Денис уснул прямо лежа в ванной. Вода начала вытекать через край, а Денис все храпел. Она начала громко стучать в ванную. Минуты две спустя, открылась дверь, и оттуда еще больше побежала вода. Денис предстал во всей своей красе перед тещей.

Он завязал спереди первое попавшееся затертое кухонное полотенце, что лежало в корзине с грязным бельем, так как забыл вообще себе взять полотенце.

Светлана Евгеньевна начала быстро вымакивать воду тряпками. Денис, пытаясь помочь, наклонился. В тот день мама Лолы увидела все достопримечательности своего зятя...

По приезду Лолы, разумеется, все молчали как партизаны. О том, что Денис в ту ночь голливудил, Лола узнала, спустя десять лет.

Когда пришел понедельник, Лола, наконец, попала в больницу, чтобы проверить грудь.

Она все откладывала этот визит. Потому что боялась. Но долго жить и считать себя трусихой она не могла, поэтому начинать новую жизнь без страха она, по классике жанра, решила с понедельника.

Доехав до центра города, она сразу же нашла помещение онкологического диспансера.

Старое ветхое строение, мрачное и серое. В длинном коридоре больницы пахло лекарствами, жженой кожей, стариками и смертью. Она была пятой в очереди. Одни старики и она... Ей было страшно и одиноко.

«Ничего, скоро приедет Денис, я зайду в кабинет, там проведут осмотр...и не найдут ничего смертельного, это явно какая-то обычная мастопатия», — Лола убеждала сама себя.

Она достала из сумки женский журнал, который купила на лотке возле больницы, и начала его листать. На страницах журнала ее не удивили. Тот же Диор, что и прошлым летом, только сменились трендовые цвета. Девушки были как на подбор анорексички, парни в кляйновских трусах выстраивались в выгодные для трицепса позиции.

Рекомендации стилистов, психологов,

гороскопы тупее не придумаешь, ну и, конечно, рекомендации, куда бы поехать отдохнуть. На этот раз хвалили Грецию. Да, вот так вот взяла и просто поехала, и подумаете, что у тебя денег хватает только на то, чтобы позирнуть в этот журнал, не то, чтобы поехать куда-то.

Вышел врач и кивнул Лоле.

Это был знак, чтобы она зашла в кабинет.

— Раздевайтесь до пояса и ложитесь на кушетку, — спокойно произнес врач.

Было холодно. Она легла. Он начал прощупывать ее грудь. Врач тщательно исследовал каждый миллиметр, при этом он смотрел куда-то вдаль, а не на грудь.

— Знаете, — начал врач, — мне не очень понравилось то, что я «нащупал», полежите еще, необходимо сделать пункционную биопсию.

Лола замерла. Он протер спиртом место прокола и вогнал в больной участок груди иглу двадцатикубового шприца. Ей показалось, что она вросла в кушетку. Было очень больно. На ее глазах выступили слезы.

— Вы можете забрать результаты завтра после обеда здесь у нас, а если хотите, чтобы не ждать долго, можете сами отнести «стекло» в отделение цитологических исследований, вам придется там подождать, но зато через час вам будут известны результаты взятого у вас материала.

— Конечно, я сама их отнесу, — очень тихо произнесла Лола.

Она шла по гололеду, было очень скользко. Снег летел ей прямо в лицо. В руках она держала стекло, на котором было намазано что-то белое. Тушь потекла неизвестно от чего, то ли от снега, то ли от слез, а, скорее всего, от одного и другого. Ей было обидно и больно, что в такой трудный для нее момент Дениса не было рядом. Она звонила ему, но он извинился и сказал, что у мамы очень разболелся зуб, и надо сбежать за лекарством в аптеку. Лола все время задавала себе один и тот же вопрос: «Почему?» Вопросы висли в воздухе, она так и не находила логического ответа. За тот час, который ей надо было подождать результаты, она трижды себя похоронила. Лола не славилась особой паникой, но на этот раз она действительно переживала.

В ее голове до сих пор всплывали мысли о том, как недавно умерла их соседка от рака груди. Лола часто слышала ночью стоны от боли через стену. Она закрывала подушками уши, но это не помогало. Воспоминания о соседке нагоняли еще больший страх. Час оказался вечностью. Звонить никому не хотелось, чтобы убить время на пустые разговоры. Читать нечего. Только она и ее безотрадные мысли.

Когда, наконец, ее вызвали в кабинет, все

блуждающие плохие мысли собрались в одном месте. Этот ком подступил к горлу и не сдвигался ни на миллиметр.

По результатам анализов было выявлено образование, которое необходимо было удалить. Но это был не рак!

В тот день Лола летела домой с целенаправленной мыслью поскорей избавиться от этой заразы.

Когда человек живет по инерции и воспринимает все хорошее, что с ним происходит, как должное, — жить легко.

Катишься себе, как перекасти-поле, и думаешь, что живешь. Утренний кофе, транспорт, работа, опостылевшие лица, одни и те же люди, перекур с кем-то из сотрудников внизу, пара тройка ненужных звонков, ничего не привносящих в твою жизнь, посиделки с друзьями, вечером — набивание живота пищей, затем ленность, нажимание на кнопки пульта от телевизора, возможно, секс, иногда даже без поцелуев, сон, а затем все повторяется.

Такие жизненные периоды Лола называла декадансом. Ведь нет развития, нет прогресса.

А вот когда случается что-то поистине нехорошее, человек выходит из зоны собственного комфорта, поднимает свой зад и начинает противостоять обстоятельствам. Так и Лола, глядя

на измятую бумажку с диагнозом, понимала, что пришло время что-то менять.

Разумеется, начинать нужно с операции, ее, как назло, назначили через месяц, но, по крайней мере, была конкретная дата и конкретный диагноз, не граничащий с онкологией.

Параллельно со здоровьем она хотела навести порядок в себе, в своей жизни, в отношениях с человеком, с которым она жила, и который, мягко говоря, обнаглел. Лола не знала, что именно ей делать, то ли применять радикальные меры, то ли продолжать быть хорошей и понимающей, то ли подогнать его под свои приоритеты. Единственное, что она знала наверняка: ни первое, ни второе, ни третье не принесут ей никакого удовольствия.

Каждый день, отрывая листики с настенного календаря, не могла дождаться судного дня. И хоть приятного в предстоящей процедуре было мало, она желала, чтобы то, что находилось у нее в груди, удалили как можно скорее.

* * *

Собираясь на операцию, Лола практически не нервничала, она была даже в хорошем настроении! Чего не скажешь о Денисе. Он что-то бурчал, бормотал, не мог найти свои носки, психовал из-за ячменя, который висел под глазом, как какая-то

мерзкая личинка.

Он ее явно раздражал, но виду она не подавала, сегодня ей было вообще не до него и его эстетического вида.

И снова тот же стол, тот же врач, тот же холод, и тот же страх. Йодом намазали от шеи чуть ли не до пупка. Медсестра подготавливала инструментарий, а врач давал кому-то указания.

«Лучше бы делали под общим наркозом», — в сотый раз подумала про себя Лола.

Врач сделал надрез. Лола стиснула зубы.

— Не беспокойтесь. Это стандартная операция. Таких операций по несколько раз в день делают, — успокаивала пациентку медсестра.

Но Лоле уже было все равно, просто было очень больно, не смотря на местную анестезию.

В последующий месяц реабилитации пришлось совсем худо, учитывая осложнения после операции.

Каждый день Лоле нужно было ездить на перевязки, ощущать боль, раздеваться, снова одеваться, сидеть в очереди, ожидая перевязку, и ехать в трясущемся транспорте, когда любое движение причиняло боль.

Со временем перевязки можно было делать самой дома. И Денис все время был рядом.

Он не падал в обморок, глядя на дыру в груди своей любимой, его не тошнило от увиденного, он

держал лоток, лил на грудь перекись и говорил, что все наладится.

Лола смотрела на него и умилялась. Хорошо, что рядом есть надежный человек. Пусть и нелюбимый. После его помощи с перевязками, она накинула ему пару бонусов и решила, что у них все нормально, и жизнь продолжается.

* * *

— Денис, выключай телевизор, я спать хочу!

Лола не могла спать, когда ее что-то раздражало. И она больше всего на свете мечтала, чтобы в их спальне не было этого квадратного черного монстра.

— Я сделаю тише, — недовольно протянул он.

Лоле это не помогло. Она ворочалась и психовала.

— Почему я должна терпеть то, чего не хочу?

— А почему я должен? Я, например, сейчас спать вообще не хочу! Мне что лежать в потолок смотреть?

— А мне что? Я устала и хочу спать!

— Ну, так спи!!! Кто не дает? Если бы реально хотела спать, уже бы отрубилась!

— А-ну, потише, мальчик! Что такое? Роток начал шире открываться? — Лола уже не скрывала

своего явного раздражения.

— Психичка! — Денис выключил телевизор и пошел на кухню пить чай. В час ночи.

Лола лежала и смотрела в недавно упомянутый потолок. Она думала о том, как все быстро изменилось.

Денис хамил ей, не отводя взгляда.

Вот парадокс! Только ты начинаешь рушить стену и становишься для него открытой и доступной, как тут же он идет своими кирзовыми сапожищами по твоему ухоженному участку.

И где же тот рыцарь восторженно-влюбленный, всегда заботливый и романтичный?

Рыцарь обещал укрывать ее пледом. И где обещанный плед?

Рыцарь сидел в растянутой серой футболке, макал галетное печенье в чай и думал о том, что неплохо было бы поставить телевизор и на кухню тоже.

Она понимала, что если дальше их общение будет продолжаться в таком же духе, пройдет еще немного времени, когда они в ссоре просто будут посылать друг друга на всем известные три буквы.

Ей хотелось встать с постели и пойти ему высказать все, что она о нем думает. Но ей было лень выбираться из-под одеяла. Она уснула буквально минут через сорок. Сон ее начал

рассеиваться, через лабиринты своих сновидений она чувствовала, что хочет в туалет. Немного приоткрыв глаза, она увидела, что в комнате было светло, это был снова включен телевизор.

Лола очень тихонько повернулась в сторону Дениса в надежде, что он уже уснул, и она сможет забрать у него пульт. Но каково было ее удивление, когда она увидела, что он с отсутствующим взглядом пялился в экран телевизора, где происходила сцена анального секса.

— Ты вообще нормальный?!

Денис встрепенулся от неожиданности. Ей в тот же момент стало от него тошно.

Еще больше ее стошнило, когда она поняла, что порно показывали не по телевизору, а это была видеокассета.

С того времени у них все пошло наперекосяк.

* * *

— Мы договорились встретиться. Сегодня в баньку, — Лола звонила Марте, при этом спешно докрашивала ногти на ногах.

— В баньку? Я думала мы пойдем в новое кафе, что недавно открылось на Ушакова, — Марта была явно не в восторге от этого предложения.

— Ну, Мартусь, не знаю, решили по-старому.

— Ладно, в баньку, так в баньку, — неохотно

промолвила Марта.

Было около девяти вечера, когда съехались подруги.

Это была хорошая баня в районе улицы Красностуденческой, недалеко от той сумасшедшей ямы, в которую когда-то Марта с Лолой влетели на «москвиче». В ту ночь был страшный ливень, дворники не успевали работать, они ехали по ночному городу где-то согреться, выпить чая, когда машина правой стороной влетела в огромную яму, это было резко и неожиданно. Марта с умным видом ехала дальше не моргнув и глазом, и только много лет спустя призналась Лолке, что тогда тоже чуть не наложила в штаны. Но она была водителем и всем своим видом должна была внушать спокойствие своим пассажирам.

Банщик рассыпался мелким бисером перед ними. Они заказали массаж для троих. Баня была на уровне, поэтому среди услуг были и спа-процедуры.

Лола привезла с собой полулитровую банку с заваркой натурального кофе, в который были добавлены эфирные масла грейпфрута, лемонграсса, ложка морской соли и капсула витамина Е. Попарившись вдоволь, после второго захода они намазали на тело эту чудо-смесь из банки. Кожа стала восхитительней персика. Пришел массажист и начал по очереди их

массажировать. Это был парень лет двадцати семи со средненькой фигурой, но сильными руками.

Он был так незаметен, что они болтали, обсуждая свои дела прямо при нем.

— Как там «мадамновосипеченнаяжена»? — Марта посмотрела на Лолу.

— Никакая я не жена! Если он мне сделал предложение, это не значит, что я за него вышла!

— Да ладно, чего завелась? Поссорились, что ли? — Марта лежала с закрытыми глазами.

— Когда любви нет, тогда и ссоры какие-то ненастоящие, — Лола привстала, — черт его знает, девчонки, отдалились мы друг от друга, он расслабился, сам себе на уме, я его не хочу, если раньше он носился вокруг меня в почестях, то сейчас он смотрит на меня ровными глазами.

— Классика! — Марта вышла из парилки в поисках, чего бы попить.

Они переместились в зону отдыха. Остаться в парилке не было сил. Это была просторная комната с лежаками, на полочке коптились ненавязчивые благовония пачули.

Массажист массировал плечи Марты. Она постанывала от удовольствия.

Кира ожидала свою очередь, лежала с закрытыми глазами и улыбалась.

— Я сегодня срезала мужика! — хвастливо начала Кира.

Марта приподняла голову. Массажист уложил ее голову назад и продолжал массировать ей плечи.

— А-ну, поподробней, — голос Марты был приглушенным, будто из бочки.

Лола пила мятный чай с медом и внимала каждому слову Киры.

Она растянулась на лежаке, вкушала кайф и выкинула Дениса из головы.

— В общем, иду такая сегодня. Зашла в наш магазинчик за хлебом. Слава Богу, шла с работы, хоть покрашенная да с укладкой. И, Лол, кстати, я все-таки купила тот прикольный сарафанчик, что ты не купила, — с этими словами Кира издевательски показала язык Лоле. Лола изобразила по-детски обиженное лицо и улыбнулась.

— Кира, без лирики, — Марта уже жалела о том, что ей делают массаж, и она может чего-то не услышать.

— Ну, так вот иду такая нарядная, а недалеко от стоянки, что возле моего дома, стоит красивенькая такая Audi, такая черная, блестящая. Но конь по сравнению с водителем просто ничто. В общем, стоит он. Девки, какой он класснющий! Иду и думаю, если сейчас пройду мимо, так и останусь до конца своих дней одна. Надо что-то решать! А что решать? Вопрос ему какой-то задать, так я и не знаю, что спрашивать. Дорогу спросить нелепо, вдруг познакомимся ближе, приедет ко мне на ночь,

сразу поймет, что все спецом было, спрашивая дорогу у своего собственного дома. В общем, девчонки, вы ж видели дорогу возле моего дома, дыра на дыре, а я иду такая на шпильках, Лол, ну на тех серебряных, ты знаешь, — кивая и ожидая одобрительного Лолкиного «угу», продолжала Кира, — короче думаю, сейчас я типа споткнусь, упаду, типа ногу подверну, и буду лежать вся такая на дороге красивая и беспомощная, и тут он такой подбежит....

Тут в бане раздался хохот. Марта привсталала, показала рукой массажисту, мол, «довольно» и продолжала смеяться.

— И тут он такой подлетает, несет тебя в свою машину... — не успела закончить Лола свою романтическую концовку.

— А в машине сидит его жена и трое детей, — закончила свой вариант Марта, почти захлебываясь от смеха.

— Дуры, блин, — обидчиво бухтела Кира, — я упала, правда, не совсем рассчитала свое приземление и все-таки счесала себе колено, и он сразу же подошел ко мне.

— Подошел?! Не подбежал?! И сколько времени ты там такая красивая и беспомощная лежала, пока спаситель шел к тебе? — Лола продолжала издеваться над подругой.

Марта прикрывала рот полотенцем и ржала

покосилась на Киру Марта, — понимаешь, что ты из-за водителя могла себе ноги переломать?

— Слушай, Кир, так у него таких, каких ты, жертв, наверно, много, — Лола продолжала мысль Марты.

— Подруги называется! Нет, чтоб порадоваться.

Кира действительно не на шутку обиделась на них обеих.

Первый раз в жизни она встретила такого мужчину, а они, завистливые курицы, сразу же начали критиковать, у самих-то тоже особо не густо, зато других унижить, хлебом не корми. Кира затушила окурок и молча пошла в бассейн.

Марте позвонили, и она удалилась для долгой аудиенции, звонили по работе.

Лола взяла полотенце и пошла за Кирой.

— Кир, ну чего ты, не обижайся! Во-первых, мы шутим, а, во-вторых, даже если и высказываем свое «фе», то только потому, что хотим тебе лучшего. Неужели ты этого не понимаешь?

Кира, поправляя свой купальник цвета зеленой сочной листвы, продолжала хмуриться.

— Вы, наверно, не переживете, если у меня все будет хорошо, да? И считаете меня совсем отчаянной, раз я таким образом знакомлюсь на улице с какими-то там водителями?

— Ты что, с ума сошла, Кир, ты о чем? Что с тобой происходит? Мы рады за тебя. Просто повеселила история вашего знакомства, я бы, например, никогда так не смогла, смелости бы не хватило. Хотя в этом нет ничего предосудительного. Одна моя подруга Таня тоже так мужа нашла. Сидя в баре на заранее запланированном знакомстве и полностью разочаровавшись в потенциальном женихе, она не преминула возможностью прямо там же найти себе мужа. Вот это смелость! Подойти к абсолютно незнакомому человеку, сидящему за соседним столиком, и подсунуть ему салфетку, с начерканным карандашом для глаз номером телефона. Как бы со стороны это не выглядело, но через три месяца он сделал ей предложение, и они вместе уже много лет. Но дело не в том, что она его просто срезала, она тогда почувствовала знак, что нужно действовать. Вот это поистине то, чего у меня никогда не было. Так что не дуйся. Лучше радуйся. И вообще, пошли нырнем.

Лола потянула Киру за руку. Та, уже улыбаясь, поплелась за подругой.

Напарившись в тот вечер с подругами, наговорившись и выговорившись, Лола летела домой с улыбкой на лице.

По дороге домой она купила бутылку розового вина. Хотелось провести приятный вечер с

Денисом.

Когда она пришла домой, Денис смотрел Шустера по телевизору. Он выдвинул их дежурный столик к дивану, налил вино. Лола отправилась на кухню нарезать сыр. Она думала о том, что все их трудности в общении — явление временное. В этот вечер они пили розовое вино, смотрели друг на друга и молчали. Необходимости завлекать и поработать друг друга уже не было. Впечатление друг на друга они произвели уже давно, темы уже обсосаны, первые поцелуи канули в лету, кожа у обоих была, как у носорогов. Никаких эмоций. Никаких бабочек в животе. Вино осталось недопитым. Лола легла спать. Денис был рад, что купил на кухню телевизор.

* * *

— Привет, котенок! — Лола обняла своего сына и вручила ему купленного черепашку ниндзя, это был Донателло, качественная модель из безопасного материала.

Кучерявая светлая головушка двухлетнего мальчишки, пахнувшая не то молоком, не то сливками, была такой родной. Он взял мамино лицо в ручонки и поцеловал ее в губы: «Мамаська моя»! Лола была счастлива, что у нее есть ребенок. Она посмотрела на время. Дениса дома не было.

Лола покормила сына и пошла смотреть с ним мультфильмы. Было около одиннадцати ночи, когда она уложила ребенка в постель. Дениса все не было. С работы он должен был прийти пять часов назад. Но его все не было. Лола все же решила ему позвонить. Все-таки она переживала, мало ли что. Он еще никогда не задерживался так надолго. Пока она слушала долгие гудки, в ней назревала тревога. Она не могла понять, почему он не берет трубку. Неужели что-то случилось.

Она набирала ему раз пять, но только на шестой раз, он взял трубку. Он выдохнула.

— Малыш, я буду немного позже, не волнуйся, у меня все хорошо.

Он говорил безо всякого чувства вины, фонило весельем и женскими голосами. Лола положила телефон на тумбочку и подумала про себя: это начало конца. И она была права, Денис явился утром. Такого у нее не было даже с ее припадочным бывшим мужем.

Лола в очередной раз для себя уяснила: чем лучше начинаешь относиться к человеку, тем больше он начинает паскудствовать. Она сразу вспомнила тот школьный стадион, когда он по-мальчишески робко предлагал ей свою жизнь, а она согласилась. Она пожалела его. Пожалела ребенка. Ведь ему нужен был отец. А Денис справлялся с этим так, как не всякий родной папаша

справится. Пожалела всех, кроме себя. Она вспомнила, как пообещала себе перевернуть теорию о том, что «чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей».

Она отозвала свою клятву. И плюнула на всю их лавстори.

* * *

Со времен расставания Лолы с Денисом, карьеры переводчика Марты и истерик над школьными тетрадями Киры прошло несколько лет. Многое изменилось в их жизни.

Лола Вебер все же поступила на третий курс Одесской юридической академии, успешно ее закончила и стала дипломированным юристом. На момент окончания академии она уже несколько лет работала по профессии в большой организации, которая сотрудничала с международными фондами, Лола зарабатывала достаточно, чтобы платить самостоятельно за обучение. Кроме этого, она занималась параллельно частной юридической практикой и была этим весьма довольна.

Марта Климбел была всегда очень терпеливой девочкой, и за школьной партой, и к причудам отдельно взятых экземпляров мужских особей. Но любому, даже ангельскому терпению, рано или поздно приходит конец. Она думала, что, окончив

престижную частную школу, получив два высших образования, она просто не имела права работать обычным переводчиком, получающим крохотные проценты, просиживая бессонные ночи у монитора.

В мыслях давно зародилось зернышко идеи создать что-то свое, родное, но она все еще не знала, с чего начать. Она знала, что это будет связано с тем, что она хорошо знает, а знала хорошо она английский язык и как общаться с людьми, причем с разными. Марта могла найти общий язык с кем угодно, будь то высокие интеллектуалы, будь то иудеи-реформисты, будь то водители рейсовых автобусов. Она была вполне открытым человеком. Единственная проблема: где взять деньги на бизнес. Итак, поверив в свою дочь еще раз, отец дал Марте денег на развитие своего дела. И Марта сразу же принялась за регистрацию собственного брачного агентства.

Кира Изотова была не так успешна, как подруги, опять же, по ее личному глубокому убеждению. Она считала, что подруги нашли себя и работают в соответствии со своей профессией, и лишь ей одной так не повезло. Она ушла с прежней работы, сменила несколько арендуемых квартир, несколько мужчин, но одно оставалось в ней неизменным — это ее макияж и зависть к подругам. Но она и дальше приветливо приглашала их на кофе, и они продолжали общаться. Реже, конечно,

но общались. В основном это было кафе, бильярдный клуб или боулинг. Лола все меньше проводила время с подругами. У них был более гибкий график. У нее же была другая история. Процессуальные сроки, работа с девяти до шести. Обед не всегда. И частые командировки. Вечерами она работала сверхурочно, составляя документы для своих клиентов, которые не были связаны с официальной работой.

Если Лола не ложилась спать в десять, а пересидивала полночь, заснуть ей тогда было крайне сложно. Сначала она насильно пыталась себя заставлять уснуть, потом пила валериану или мятный чай, но бесконечные мысли не отступали, и уловить сон ей не удавалось.

В один вечер, вернее ночь, докуривая сигарету, Лола вдруг подумала о том, что хочет написать книгу. Ей захотелось изложить и упорядочить все свои мысли на бумаге. Она достала блокнот, взяла ручку и начала писать. Писать о жизни трех подруг.

Роман, драма-комедия. Она на одном дыхании написала пять листов, затем вложила их в какую-то книгу на полке и легла спать. Уснула она быстро. С довольной улыбкой на лице.

* * *

Был прекрасный весенний вечер. Не очень теплый, а скорее сырой и прохладный, но все же весенний.

Марта и Лола пошли развеяться и поболтать где-то в кафе. На верхнем этаже кафе был бильярд, поэтому они решили сразу же заказать пару партий.

Бильярдные шары будто сговорились сегодня против Лолы. Она потеряла мелком наконечник кия.

«Нет, я должна забить этот чертов шар», — подумала Лола.

Нагибаясь над столом, Лола вспомнила всю свою йоговскую гибкость. За каждым ее движением внимательно наблюдал молодой человек за соседним столом. Он с другом играл в русский бильярд. Марта наблюдала за всем этим и улыбалась.

Она выглядела отлично, впрочем, как всегда. Узкие черные брюки, шелковая блуза и высоченный каблук.

«Зайка, что сегодня с тобой? В прошлый раз ты всех тут сделала. А сегодня такое впечатление, что ты тут в хоккей играешь!» — выпустив сигаретный дым, произнесла Марта.

Со злости Лола сильно ударила по белому шару.

Оранжевый шар пожалел, что Лола вообще сегодня сюда пришла. Он с грохотом зашел в лузу.

«Ну, наконец-то!» — с облегчением сказала

Марта и потушила окурок.

В туалете пахло хвойным освежителем воздуха и сигаретным дымом. Ни то, ни другое Лола терпеть не могла. Хотя и курила сама.

Лола еще раз мысленно поблагодарила сама себя, что сегодня предпочла удобную одежду.

Хлопковые леггинсы сидели на ней «как родные», они не сдавливали ее, но прекрасно обтягивали ее стройную фигуру, майка с открытым плечом цвета кремовой розы прекрасно смотрелась на ее загорелом теле. Она довольно улыбнулась.

На смену улыбки пришло негодование. Она посмотрела на себя в зеркало и подумала о том, что через два месяца ей исполнится двадцать шесть лет. Лола пристально вглядывалась в свое лицо. Вроде тот же взгляд, что и раньше, только немножечко уставший, слегка нахальное выражение лица, все те же губы и глаза. Конечно, она немного повзрослела, и у нее уже не тот детский запал и непосредственность. Она становилась циничной, а свидания с ней были больше похожи на собеседование. Да и безразличие. Это было самым разрушающим для ее личности. Безразличие и пустота.

«Нет, надо взять себя в руки, просто сегодня не ее день. Нужно определенно сегодня что-то придумать. Надоело унывать», — Лола подмигнула себе в зеркало.

Подойдя к столику, Лола заметила, что возле Марты нарезает круги парень. Он не знал, в какую позу встать, чтоб только обратить внимание Марты.

Лола, с каменным выражением лица, загробно произнесла: «Молодой человек, вы хотите нас снять?».

Он удивленно смотрел то на Марту, то на Лолу. Уже через минуту кии начали по нему скучать.

— Слушай, Мартусь, может я чересчур резко с ним? Он ведь к тебе подошел.

— Расслабься, Лолик, мы отдыхаем, расслабься, — произнесла Марта и откинула голову на кожаный диван.

Просто Лолу выбешивал тот факт, что мужчины воспринимают как вызов, если девушки отдыхают без парней, что им якобы непременно нужно с кем-то познакомиться. Когда они отдыхали, они не хотели видеть никого, даже самого Джонни Деппа. Каждая из них тысячу раз задавала себе один и тот же вопрос: «Почему им вместе так хорошо?».

Они имели своеобразный юмор, который многие не понимали. Они смеялись до упаду и веселились, будучи абсолютно трезвыми, так как спиртное употребляли крайне редко. Они могли часами болтать, составлять планы дальнейших действий и т. д. В такие моменты девочек теряли из

виду их мальчики (если таковые имелись), и иногда, как не стыдно было в этом признаться, предпочитали сексу посиделки за американо со сливками.

— Твой «любимчик» сегодня на смене, — спокойно произнесла Марта, медленно попивая мандариновый фреш.

Глаза Лолы тут же загорелись и забыли о том, что такое безразличие.

— Что он делает? — не поворачиваясь в его сторону, спросила Лола.

— Что он может делать? — недовольно начала Марта, — собирает шары из луз.

— Марта, не начинай! Ну, посмотри на него, ну, это же ангелочек.

— Он может и ангелочек, но пусть он машет своими крылышками над кем-то другим. Он тебе не нужен!

Это был маркер. Парень лет двадцати трех, очень симпатичный парень. Его глаза завораживали и манили. Он был похож на Сережу Лазарева. У него была красивая фигура и располагающая улыбка.

Лоле он нравился давно. Еще когда она жила на старой квартире, она иногда видела, как он спешил на остановку. Потом она видела его пару раз в тренажерном зале, куда они ходили с Мартой. Ну, и, конечно, здесь, в бильярдном клубе. Она

восхищалась тем, что он был лишен дешевых понтов, которыми разило от многих молодых парней.

Что-то было в нем то, чего не было в других, и не было того, что с излишеством имели другие.

— Я сделаю это сегодня! — с уверенностью сказала Лола.

— Если ты собираешься выставлять себя на посмешище, то делай это без меня, — отстраненно промолвила ее подруга.

Лола обиженно собрала губки в бантик.

Марта была против любых поползновений Лолы к парням, которые зарабатывали меньше Лолы.

— Я ведь не замуж за него собралась!

— Ну да, ты ни за кого замуж не собираешься, но тратишь на них свою жизнь. Абсолютно женское умозаключение.

Лола открыла сумочку и достала оттуда свою визитницу. В ней, как назло, не оказалось ее визиток.

— Мартусик, одолжи мне мою визитку, я знаю, у тебя точно есть.

Марта с каменным выражением лица начала расстегивать свою сумку, при этом не отводя глаз от глаз Лолы.

Этого взгляда Лола не переносила. Серебристая визитка с контактами смиренно

лежала на столике. Уже через полминуты на ее задней стороне красовалось послание: «Молодой человек, вы мне нравитесь уже два года».

— Не будь занудой, — с улыбкой сказала Лола подруге.

— Да, ладно, — интригуяще прошептала Марта, — это даже забавно.

Они заказали еще партию. В этот раз они сыграли отлично.

Когда к столику подошел маркер, Лола почувствовала себя школьницей с румянцем на щеках.

«Господи, детский сад», — подумала про себя она. Визитка лежала между купюрами. Он подошел, взял деньги со стола, и ушел.

Лола ехала по ночному городу, и про себя материла ямы на дороге. Она уже сворачивала на свою улицу, когда пришло сообщение. Лаконичное: «До встречи, Лола». Маркер таки придумал, что написать. На раздумья ушло всего-то пара-тройка часов.

«Да, он никогда не был разговорчив», — подумала про себя Лола.

Прошло пару дней и маркер начал ей писать, и звонить мол, Лола, извини, у меня есть девушка, отношения, в общем, помычал он еще пару раз в телефон.

Ей предстояла командировка в Данию, она

была поглощена документами, и ей было не до переписки и выяснения отношений. Юнец решил, что Лола на него обиделась, и не мог найти себе места.

В очередной раз, встречаясь с Мартой в бильярдном клубе, Лола с улыбкой на лице наблюдала за ним, а он, не поднимая на нее глаз, делал свое дело.

— Вот скажи, почему мужики такие идиоты, а? Ну что они себе возомнили? Почему из всего они извлекают какой-то свой дурацкий смысл? Если, я просто донесла до его ведома «вы мне нравитесь», это что означает? Женись на мне или я хочу от тебя что-то? Почему нельзя просто учесть этот факт и жить своей жизнью дальше. Нет же, он придумал себе санта-барбару! Он вообще видел себя в зеркале, себя, свой диплом, свою квартиру, свою машину, которой нет в помине?!

— Лолик, успокойся. Маркер тут не при чем. Не срывай на нем злость.

Лолу никогда особо не интересовали вышеперечисленные блага, просто к маркеру было придаться больше не к чему, кроме как к его социальному положению.

Она не хотела никаких отношений, хотя подруги ей говорили, что так нельзя. Ведь уже прошло два года, как она одна.

Она их слушала, но не хотела никаких

очередных «ныряний в душу».

Лола оставалась холостяковать. Работала, как ненормальная. Посещала с ребенком цирки и зоопарки, заезжавшие в город, покупала ему очередную коллекцию черепашек-ниндзя и наслаждалась жизнью.

Ей было так хорошо. Не надо никому стирать носки, отчитываться и делать вид, что ты безумна влюблена.

* * *

Лола неспешно шла.

Уже было более-менее сносно дышать, так как было около восьми вечера. Если вспомнить о том, что в полдень ее каблуки утопали в раскаленном асфальте, то сейчас было грех жаловаться. И, тем не менее, было очень жарко.

Копна ее густых черных волос послушно лежала на плече. Не было и намека хотя бы на малейшее дуновение ветерка. Узкая черная юбка-карандаш была не в погоду, но она-то шла с работы. Была пятница, тридцатое июля.

«Трудный был день», — думала она про себя, вспоминая походы по судам и прокуратуре. Но это было еще не окончание трудовой деятельности на сегодня. Ровно в двадцать минут девятого встреча с клиентом, которому во что бы то ни стало, нужно

было дать ей на одобрение договор. Было без двадцати восемь и, чтобы убить время, она решила зайти за тушью для ресниц, которую уже целую неделю собиралась купить. Свернув на улицу с нужным магазином косметики, она продолжала свой путь. Она была где-то очень глубоко в себе. Обдумывая итоги дня, она мечтала о том, чтобы поскорее прилечь на свой диван и попить холодный зеленый чай.

Ее мысли прервал мужской голос:

— Девушка, может быть вас подвезти, на улице такая жара, а в машине прохладно.

Она повернула голову в сторону проезжей части. Параллельно с ней медленно ехал шикарный Porsche Cayenne, за рулем сидел мужчина средних лет.

Она сказала:

— Спасибо, не нужно, — и сразу же отвернулась. Она продолжала идти, а он продолжал плестись за ней. Когда она повернула на другую улицу, и он сделал то же самое, она уже начала раздражаться. «Какого черта? Тоже мне, нашел мишень!», — продолжала монолог про себя Лола.

— Девушка, мне уже стыдно, — понимая, что на него посматривают прохожие, не сдавая позиций, продолжал он, — ну, правда, садитесь.

Лола все шла. Но перед ней оказался перекопанный участок дороги, который она начала

обходить и, разумеется, вышла на проезжую часть.

Она посмотрела на него, теперь уже вблизи. Он был загоревшим. Светлая одежда очень подчеркивала загар. У него были красивые голубые глаза и тугий хвостик из поседевших наполовину волос. Он улыбнулся.

— Ладно, — сказала она, садясь в автомобиль, — разве что только охладиться. Ее узкая юбка чуть не треснула по швам.

Она подумала: «Лола, куда ты лезешь, детка, тебе, что спокойно не живется?»

— У меня есть двадцать минут.

Через буквально пару минут они пили американо в прохладной машине.

Он ей что-то оживленно рассказывал, а она витала непонятно где, не понимая как вообще можно было сесть в чужую машину.

— Вы ведь иногородний, абсолютно не херсонский тип, — сказала ему Лола, понимая, что это было единственной причиной ее согласия познакомиться.

Он таки был из Киева. Предприниматель, абсолютно простой, без гламурно-мажорных нот в поведении и с искренней улыбкой. От него веяло спокойствием и уверенностью.

Двадцати минут было достаточно для нее, чтобы понять, готова ли она дать номер своего мобильного абсолютно чужому человеку.